

СПЛЕТЕНЬЕ СУМРАЧНЫХ ТЕНЕЙ

Рассказы

СЛОМАННАЯ ШКАТУЛКА

I

Музыкальная шкатулка появилась в антикварном магазине 29-го ноября 200... года. В тот же день Николай Журавлев, владелец магазина, описал ее в дневнике:

«Шкатулка принадлежала малоизвестному музыканту Григорию Белиловскому, умершему примерно месяц назад. Сколько ему было лет? Затрудняюсь сказать. Шкатулку я приобрел на аукционе. Собственно, из-за нее и стало известно об этом человеке.

Наружный вид.

Шкатулка размеров 23х12х6(см).

Дерево: корейская сосна.

Сверху к крышке прибита серебряная бляха с дарственной надписью: «Маргарите и Вадиму от С.П. в честь пятилетия со дня свадьбы». С.П. очевидно означает — Светлана Полянина. Учитывая то, что после смерти жены Вадим Гореликов женился на ней — а Светлана, по рассказам, уже давно питала к нему нежные чувства — выглядит довольно-таки лицемерно.

Шкатулка резная, вдоль боковых граней — замысловатый узор славянского типа.

Внутренний вид.

Маленькая керамическая фигурка Нечаевой застыла на самой середине комнаты; пол выложен квадратной черно-белой плиткой. На Маргарите белое кружевное платье, за пятнадцать лет в шоу-бизнесе ставшее ее визитной карточкой, а после смерти сделавшееся попросту легендарным, как и сама обладательница. Вадим Гореликов сидит в кресле, в углу, около тумбочки, на которой виднеется телефончик. На заднем плане — возле крышки шкатулки — старинное пианино с двумя подсвечниками, ввинченными в пазы по обе стороны от пропитра, сама же крышка представляет собой заднюю стену комнаты и поднимается до второго этажа, на котором видны три двери и по всей длине — балкон. Когда шкатулка открывается, крышка тянет за собой и раскладывает с боковых сторон две поднимающиеся к балкону лакированные лестницы, абсолютно симметричные. Еще одна важная деталь: на первом этаже, из-за правой лестницы, выглядывает портрет Нечаевой, ей там года 22-23, не больше...

Я завожу шкатулку, и фигурки тотчас приходят в движение: слышится телефонный звонок, Гореликов встает и снимает миниатюрную трубку; что-то отвечает, возвращает ее на место, а затем, подойдя к жене, обнимает и целует ее. Потом Вадим направляется к пианино и начинает играть самую известную песню Маргариты — «Печальная звезда». Она поет (в механизм шкатулки вмонтирована запись) и, танцуя, совершает круг, по правой лестнице медленно поднимается на балкон, проходит на левую сторону и спускается на первый этаж по противоположной лестнице. В тот самый момент, когда Маргарита возвращается на середину комнаты, ее волшебный голос смолкает вместе со звуками пианино — печальная звезда умирает; Вадим поднимается из-за пианино и снова садится в кресло — цикл окончен.

Белиловский был поклонником творчества Маргариты Нечаевой? Не удивительно, если так, однако мне говорили обратное. У него когда-то была жена, но потом она умерла. Может, шкатулка на самом деле принадлежала ей? Но каким образом она к ней попала? Не знаю, да и какая разница? Главное, что теперь шкатулка у меня».

II

Знаменитая певица Маргарита Нечаева умерла 13-го января 198... года в возрасте тридцати шести лет. Ее самоубийство повергло в шок миллионы поклонников. Журналист Илья Помичев опубликовал в газете «Музыкальные новости» известный некролог, в котором не только сообщил об обстоятельствах смерти, но и поставил их под сомнение.

Маргарита была найдена в своей комнате повесившейся на телефонном шнуре. «Довольно странное средство, вы не находите? — писал Помичев. — Неужели нельзя было воспользоваться обыкновенной веревкой?»

Муж Нечаевой как раз уехал в это время на свои дебютные гастроли; смакованию этого обстоятельства журналист посвятил чуть ли не полполосы. Завершался некролог следующими словами:

«С чего это Нечаевой было совершать самоубийство на гребне своей славы? Она была абсолютно здорова и счастлива».

Лет десять назад, когда антиквар занимался изучением творчества Нечаевой, ему попала в руки эта статья. По ее прочтении он записал в дневнике:

«Этот журналист считает, что в смерти певицы виновен ее муж. Что он подстроил самоубийство. А потом уже, видно, отправился на гастроли. Это читается между строк! Но каковы могли быть мотивы у Гореликова? Так или иначе, никто ничего не смог доказать...»

III

30-го ноября 200... года антиквар сделал еще одну запись:

«Вчера вечером, осмотрев шкатулку более тщательно, я обнаружил кое-что любопытное! Сбоку, на верхней крышке, я нащупал небольшое овальное углубление и когда надавил на него, внизу открылось потайное отделение, в котором лежали два листа бумаги, сложенные вчетверо. Вот что было на них написано:

«Когда мы с Марго обручились, никто не мог в это поверить: она, восходящая звезда шоу-бизнеса, и я человек, будущее которого не просто под вопросом — в училище мне недвусмысленно давали понять, что дальше учителя музыки я не пойду, и почему бы мне не «выбрать другую профессию, более подходящую мужчине. Например, заняться коммерцией». Кроме того, звезды вроде Марго Нечаевой обычно (да что там, почти всегда!) выходят за богатых, а я жил с матерью, без отца, на ее скромную зарплату редактора газеты, только и писавшей о том, какой маньяк сегодня свирепствует в нашей области. Так что, в определенном смысле, мое превращение было превращением Золушки.

Мать всегда говорила, что мне нужна женщина, которой я смотрел бы в рот и подчинялся, а Маргарите нужен был муж, рядом с которым она не потеряла бы ни единой искорки своего блеска, — но всегда ли такое удачное сочетание, даже вкупе с любовью, способно уничтожить все преграды к соединению?..

Очень жаль, что мать так и не увидела моей свадьбы; я всегда следовал ее советам, но могла ли она вообразить, что я буду следовать им *так*? Не предугадала она и того, что я могу измениться: теперь, когда мы с Марго уже пять лет вместе, я сам стал искать, совершенствовать технику своей игры на фортепьяно, даже разучивать прокофьевские сонаты, и последние месяцы так увлекался, что засиживался до середины ночи, и когда наутро я выходил на улицу, соседская старуха, у которой было уже два инсульта (но все, что они забрали у ее мимики и жестикуляции, обратилось в слух), с невероятным усилием отрывала руку от скамейки — точно сиденье было недавно покрашено — и тяжело грозила мне иссохшим кулачком.

— Я ни на что не посмотрю и натравлю на тебя своего пса. Его, как и моего покойного мужа, зовут Николай Павлович Бровкин, так и знай! — верещала она, и тут же в окне показывалась косматая собачья голова и псина сладко облизывалась, словно уже меня съела.

И все же это «ни на что не посмотрю» Маргарите старуха сказать не осмелилась бы, а если бы даже и осмелилась, то собака в подтверждение ее слов не выглянула бы из окна.

Трудно сказать, чего я конкретно хотел от своих упражнений... нет, совсем нетрудно: я боялся и, в то же время, очень желал вырваться и украсть у Маргариты хоть искорку славы.

Она, впрочем, не возражала, ее это даже забавляло, и в последнее время, когда я садился за инструмент, принималась гладить меня по голове и называть «старательным».

Рядом с музыкальной школой, где я преподавал некоторое время после свадьбы с Маргаритой, находится Дворец культуры имени Т-ва. Сегодня вечером, когда я сидел в кресле в гостиной на первом этаже, раздался телефонный звонок. Марго тоже была внизу (она почему-то надела свое «коронное» платье, которое знали миллионы — я этого не ожидал, дома она всегда отдыхает от него, уж очень оно жесткое) и сделала неуверенное движение в сторону телефону, но я тоже поднялся и бросил коротко:

— Не беспокойся, я возьму.

У Марго был выходной, и ее не должны были беспокоить. Я снял трубку.

— Алло... Да, это я...

По мере того, как я слушал голос в телефонной трубке, мой взгляд поднимался вверх, и в конце концов я увидел портрет своей жены, висевший под лестницей, на стене; на нем ей, кажется, двадцать два года.

— Господи... спасибо, большое спасибо... — затараторил я. — Нет, не стоит, я запомнил... Что вы говорите?.. Вы позвоните еще завтра, и мы все уточним? Хорошо, как вам будет угодно... Да, до свидания...

Как только в трубке послышался щелчок, и голос оборвался, я круто развернулся к Марго и выпалил:

— Представляешь, меня пригласили выступить в нашем Дворце культуры!

— Не может быть!

— Это правда, мне только что звонил директор. Они приглашают меня дать сольный концерт в феврале. Поверить не могу!

— Милый, это чудесно! — она продолжала стоять на самой середине гостиной и сейчас захлопала в ладоши; слава не сумела испортить в ней способность так непосредственно радоваться. — Твои старания не прошли даром! Дай обниму тебя! — Маргарита просительно вытянула руки и сложила губы трубочкой.

Я повиновался, крепко обнял ее и поцеловал. Она попросила сыграть что-нибудь, в ее голосе звучала нежность.

— Ты этого хочешь?

— Да.

— «Печальную звезду»?

— Зачем же?.. Нет, нет... Давай что-нибудь не из моего репертуара...

Она пыталась протестовать, но я шептал, уговаривал ее, уткнувшись лбом в ее лоб, и в конце концов добился согласия — больше всего мне хотелось теперь отдать дань ее славе: Марго споет свой самый знаменитый хит.

— Ну, хорошо, если ты этого так хочешь... — она кивнула неуверенно.

— Да, хочу, — у меня кольнуло в сердце. Кто бы мог подумать, что этим маленьким, склонившим сейчас голову и положившим мне руки на грудь существом восхищаются толпы фанатов? Я прекрасно знал, что сейчас она говорит искренне, но какая-то небольшая часть меня восставала против этой искренности и призывала со злостью оттолкнуть эту женщину. Навсегда.

А почему бы мне действительно не избавиться от нее? Так ли уж это сложно, если все как следует продумать и просчитать?..

Я с ужасом (и удивляясь самому себе) отменил эти мысли. Сделал глубокий вдох, подошел к пианино, сел и заиграл. Никогда не забуду, как проникновенно пела Марго в тот день; мне казалось, ни на одном выступлении она не вкладывала в «Печальную звезду» столько, а значит, мне действительно удалось завоевать ее сердце; она даже начала пританцовывать, и когда заскрипела вторая ступенька на лестнице — она скрипела всегда, с момента нашего здесь поселения, — я понял, что Марго собирается совершить торжественный круг, вверх на балкон и обратно...

Когда я прекратил играть, она уже вернулась и пристально смотрела на меня, былая радость остыла, будто ей удалось поймать те самые мысли, которые я отверг, и я понял, что печальная звезда умерла.

Сначала я подумал, что запись принадлежит Вадиму Гореликову, но потом, заметив в правом нижнем углу подпись «Г.Б.», понял, что все не так просто. Инициалы, очевидно, расшифровывались как «Григорий Белиловский», и, следовательно, эту запись сделал он. Но зачем? Не знаю. Во всяком случае, то, что я прочел, некоторым образом иллюстрирует происходящее в шкатулке».

IV

— Дорогой мой, выставка в Марселе — это тебе не финтифлюшечные картины на стенде молодежной студии. И это даже не наша столица. Это громадный, колоссальный шаженций, понял? Можешь считать, что Господь Бог к тебе благосклонен и в знак своей симпатии преподнес новогодний подарок. Ха!

И Вельветов, найдя замечание очень остроумным, откинул голову и расхохотался в лицо низко опущенной железной лампе, каких в закускойной, если не считать их отражений в стеклах и зеркалах, было штук семь-восемь.

На электронных часах, висевших над входом, застыли цифры: 21:49. Обручеву казалось, что каждая новая минута вполнину короче предыдущей и настойчиво притягивает к себе новый год. Сидя напротив Вельветова, но смутно — как звук радиоприемника в соседней комнате — слыша его возбужденную болтовню и продолжая отрешенно смотреть на зеленые точки часов, Обручев кивнул:

— Да... — и отпил немного вина.

— Ты подумай только: уже через месяц твои картины будут стоить по сто тысяч баксов каждая!

— Ну... в сто тысяч я не очень верю...

— Брось, я говорю тебе: сто тысяч, не меньше. И точка. Понял? А помнишь, за сколько я их купил? Сколько я выложил за ботинки, в которые вглядывается человек, стоящий на зеркале? Забыл, как она называется...

— «Лист клена», — подсказал Обручев, так и не сводя глаз с табло, но не стал поправлять Вельветова, что человек на картине вглядывался, скорее, не в ботинки, а в дверь, отраженную в зеркале.

— Точно! — Вельветов рассек воздух указательным пальцем так, будто его собеседник подсказал ему отличную идею. — Так сколько? Три штуки, верно? Ты растешь, дружище! А я... я просто делаю свое дело. Ха!

— Верно.

Вельветов нахмурился.

— Приятель, да что с тобой такое?

— Со мной? Ничего, — Обручев пожал плечами и, наклонившись вперед, попытался сконцентрироваться.

— Ты случайно не поссорился с Ольгой?

— С Ольгой? С чего вы взяли?

— Она сегодня как-то странно на тебя смотрела.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Это вам показалось. Мы с ней никогда не ссоримся.